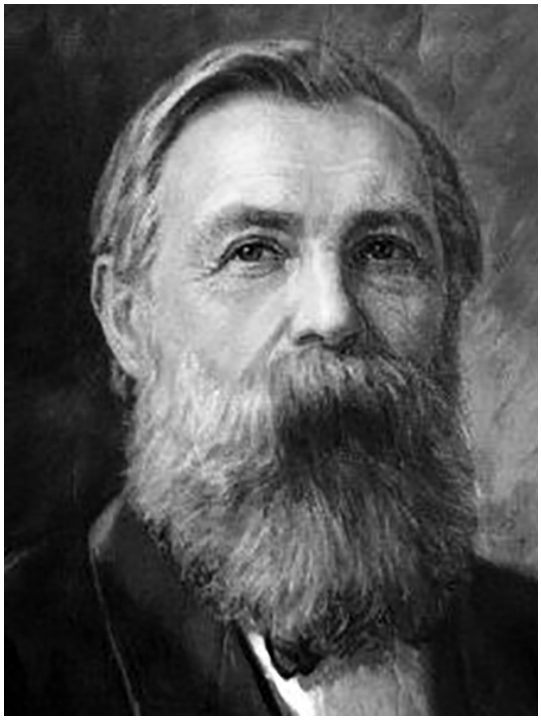
2020-11-29 **Грани личности: поэт и спортсмен**

Фридриха Энгельса отличали необычайная широта эрудиции и кругозора, титаническая работоспособность, истинно немецкая организованность. Карл Маркс дал своему другу такую характеристику: «Он — настоящая энциклопедия, способен работать во всякий час дня и ночи… быстро пишет и сообразителен, как чёрт». При этом, будучи на два с половиной года моложе Маркса, Энгельс выступил в печати гораздо раньше. Весною 1839 года Фридриху чуть больше восемнадцати лет, но он уже публикует в гамбургском журнале «TelegraphfürDeutschland» такую значимую работу, как «Письма из Вупперталя». Даже в прославленную «RheinischeZeitung» Маркс и Энгельс пришли практически одновременно — весной 1842 года. Но самой первой публикацией Ф. Энгельса стало стихотворение «Бедуины», напечатанное в газете «BremischesConversationsblatt», 40 за 16 сентября 1838 года.



В ПРЕДИСЛОВИИ к 41-му тому Сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса поэтическому творчеству последнего даётся такая вот характеристика: «И хотя эти поэтические опыты носят подражательный характер, они наполнены глубоким политическим и философским содержанием».

Пробовать перо Фридрих начал ещё в школьные годы: писал рассказы.

Из дошедших до нас стихов Энгельса самое раннее написано им в возрасте 13 лет. Это посвящение «Моему дедушке» — Бернхардуван Хаару. Дедушка был филологом и некоторое время занимал должность директора гимназии. Внук особенно отмечает то, что дед дал ему основательные познания в греческой мифологии и привил к ней интерес.

Ещё в детские годы у будущего революционера обозначился круг его героев. Это борцы за правду и справедливость, против тирании и мракобесия: Ян Гус и Мартин Лютер, вожди Великой Французской революции. В 1839 году он пишет небольшое стихотворение, посвящённое 9-й годовщине Июльской революции во Франции, и выражает в нём уверенность в том, что «буря» доберётся и до Германии:

Но повеяла буря

из Франции к нам,

всколыхнулись народные массы,

И колеблется трон,

как средь бури ладья,

и дрожит в вашей длани

держава.

В ранние годы Ф. Энгельс был весьма религиозен: воспитание он получил в буржуазной семье, державшейся строгого протестантского пиетизма. Это мистическое направление ставит религиозное чувство выше религиозных догм, оно отвергает рационализм и негативно относится даже к чтению нерелигиозных книг.

От религии Ф. Энгельс освобождался в процессе продолжительной и тяжёлой внутренней борьбы, внимательно изучая разнообразную литературу, включая и саму Библию. В этой его эволюции значительную роль сыграла известная работа Давида Фридриха Штрауса (1808—1874) «Жизнь Иисуса» (1835), положившая, собственно, начало младогегельянству, а заодно и исторической школе в библеистике. В этой книге основатель христианства трактуется как обыкновенный человек, выдающийся, но лишённый божественной сущности, — уже впоследствии его фигура подверглась мифологизации.

Не отрицая историчности Иисуса Христа, Д. Штраус показывает недостоверность новозаветных сведений о нём и сотворённых им чудесах. Молодой Энгельс был настолько восхищён книгой «Жизнь Иисуса», что даже называл себя «восторженным штраусианцем»! В том же 1839 году он, следом за Д. Штраусом, обращается и к Гегелю, к его, как он выразился, «беспокойной диалектике» (Маркс открыл для себя гегелевскую философию двумя годами ранее, когда он обучался в Берлинском университете).

Следующий важный этап в движении Энгельса к последовательному атеизму связан с трудом «Сущность христианства» Людвига Фейербаха (1841). «Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами», — вспоминал Энгельс.

Процесс отхода юного Фридриха от религии хорошо просматривается по его многочисленным и достаточно откровенным письмам к бывшим одноклассникам, братьям-близнецам Вильгельму и Фридриху Греберам (поразительно то, что у всех

троих годы жизни одинаковы: 1820—1895). Особой, скажем так, пикантности данной переписке придаёт то обстоятельство, что оба Гребера стали во взрослой жизни… пасторами! В письме к Фридриху Греберу Энгельс приходит к выводу, идущему вразрез с религией, с приверженностью ко всему тому, что должно приниматься на веру: «То, что отвергает наука… то не должно больше существовать в жизни».

Летом 1842 года, проходя военную службу в Берлине, посещая университет и сражаясь там против реакционной философии позднего Шеллинга, Фридрих Энгельс при соучастии своего одногодка, младшего брата Бруно Бауэра Эдгара сочинил богоборческую пародийно-сатирическую поэму «Библии чудесное избавление от дерзкого покушения, или Торжество веры».

Поводом к её написанию стало увольнение видного младогегельянца Бруно Бауэра (1809—1882) из Боннского университета: в начале 1840-х в Пруссии поднялась очередная волна реакции, от которой пострадали многие передовые интеллектуалы. Из-за этого же пошли прахом планы новоиспечённого доктора философии Маркса занять кафедру там же, в Бонне.

В поэме в фантастической форме — с притворным поношением «безбожников» — показана борьба младогегельянцев против ортодоксального богословия и, вообще, идеологической реакции. Энгельс даёт шутливо-острые портреты своих соратников по кружку «Свободных».

На тот момент Энгельс ещё не знаком лично с Карлом Марксом (впервые они увидятся осенью, в ноябре, в редакции «Рейнской газеты» — причём первая встреча будет прохладной и останется без последствий), но, видимо, слава того уже летит по Германии. Энгельс точно подмечает его революционную страстность, неистовость:

Кто мчится вслед за ним

[за Бруно Бауэром. — К. Д.],

как ураган степной?

То Трира чёрный сын

с неистовой душой.

Он не идёт, — бежит, нет,

катится лавиной,

Отвагой дерзостной

сверкает взор орлиный,

А руки он простёр

взволнованно вперёд,

Как бы желая вниз

обрушить неба свод.

Сжимая кулаки,

силач неутомимый

Всё время мечется,

как бесом одержимый!

«Чёрный сын» — как известно, у Маркса была смуглая кожа, за что он получил прозвище Мавр. В поэме Энгельс называет его также в шутку «из Трира чудище»!

Себя автор поэмы тоже не забыл, подчёркивая свой «крайний радикализм»:

А тот, кто всех левей,

чьи брюки цвета перца

И в чьей груди

проперченное сердце,

Тот длинноногий кто?

То Освальд — монтаньяр!

Всегда он и везде

непримирим и яр.

Он виртуоз в одном:

в игре на гильотине,

И лишь к единственной

привержен каватине,

К той именно,

где есть один рефрен:

Formezvosbataillons!

auxarmes, citoyens!

[«К оружию, граждане! Сплотитесь в батальоны!»

(«Марсельеза»)]

Весьма забавна сценка бунта в аду против «лукавого» (обратите внимание, кого из выдающихся людей автор помещает в ад — неплохая компания, не так ли?!):

Пока бесчинствовал на небе

враг господний,

Волненье вспыхнуло

внезапно в преисподней;

Мятежным пламенем

охвачена она;

Несутся возгласы:

«Явись к нам, сатана!»

Толпу мятежников

сам Гегель возглавляет,

Вольтер над головой

дубиной потрясает,

Дантон безумствует,

и Эдельман орёт,

Наполеон, как встарь,

командует: «Вперёд!»

(Иоганн Христиан Эдельман — немецкий богослов-вольнодумец XVIII века).

В тогдашней Германии художественная литература являлась важнейшей сферой идеологической борьбы, служа — в исполнении прогрессивных художников слова — средством подготовки приближавшейся революции. Поэтому становление революционера не могло не происходить без основательного ознакомления с этим ценнейшим достоянием германской нации. К. Маркс и Ф. Энгельс — в такой же мере продукты немецкой литературы, как и немецкой классической философии.

(Точно так же и русские революционеры конца XIX века вырастали на русской литературе — от Пушкина и Гоголя до Чернышевского и Салтыкова-Щедрина)

Революционный заряд немецкой литературы того времени выражает самое название бунтарского литературного движения «Буря и натиск» — по названию драмы Фридриха Максимилиана Клингера 1776 года. Из этого течения, идеологом коего выступал Иоганн Гердер (1744—1803), так или иначе вышли и Гёте, и Шиллер.

Иоганна Вольфганга Гёте (1749—1832) Ф. Энгельс назвал «величайшим из немцев». «Деяние — начало бытия» — в этой гётевской формуле звучит не только призыв к активной деятельности, но и как бы сжатая формулировка материализма в понимании общества. На бой против сил зла зовут знаменитые строки из «Фауста»: «Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день за них идёт на бой!»

Ненавистью к деспотизму, к власти князей проникнуто творчество Фридриха Шиллера (1759—1805). Революционную пьесу «Разбойники» он вообще сопроводил дерзким эпиграфом: «Против тиранов». «Разбойник» Карл фон Моор, на самом-то деле, борец за свободу своей родины. Но он одинок, его не поддерживает народ, и оттого бунт фон Моора обречён на провал… Зато уже восставший народ становится главным действующим лицом в поздней драме Ф. Шиллера «Вильгельм Телль».

Республиканец по своим убеждениям, Шиллер, как это нередко случается с мастерами искусства, оказался непоследовательным в отношении к революции. 1789 год он воспринял с воодушевлением, но, придя в ужас от якобинского террора, стал порицать революцию. Причём в этот самый момент Конвент присвоил великому немецкому драматургу почётное звание гражданина Французской республики!

В гимназическом выпускном свидетельстве Фридриха Энгельса отмечено, что он «проявил похвальный интерес к истории немецкой национальной литературы и к чтению немецких классиков». В самом деле, молодой человек много читает как классиков (Гёте, Шиллер и др.), так и современных ему писателей — один из них, Карл Гуцков, кстати, как раз был редактором журнала «Telegraphfu``r Deutschland».

Хорошо освоил Энгельс и — говоря его словами — «всю мировую литературу».

Уже в ранней своей публицистике Ф. Энгельс проявил себя как талантливый литературный критик и литературовед. Его владение материалом, его знакомство со всем более-менее значительным, что имелось в тогдашней литературе, поражает. Как поражает и самостоятельность суждений совсем молодого ещё человека.

В статье 1839 года «Немецкие народные книги» Энгельс даёт в целом высокую оценку произведениям народного литературного творчества о Зигфриде, Фаусте, Уленшпигеле, Агасфере (Вечном Жиде) и проч. — и показывает важную роль таких книг для воспитания народа. Статью он начинает так: «Разве не является большой похвалой для книги то, что она — народная книга, немецкая народная книга? Однако именно поэтому мы вправе желать большего от подобной книги, именно поэтому она должна удовлетворять всем разумным требованиям и быть во всех отношениях безукоризненной». Крайне важно то, как обрабатывается и излагается этот народный материал, — Энгельс выступает против поползновений реакционеров, реакционных литераторов вроде Людвига Тика и Гвидо Гёрреса фальсифицировать и использовать народное творчество в интересах господствующих классов страны.

«Необычайной поэтической прелестью, — заканчивает свою статью Энгельс, — обладают для меня эти старые народные книги, с их старинной речью, с их опечатками и плохими гравюрами. Они уносят меня от наших запутанных современных «порядков, неурядиц и утончённых взаимоотношений» в мир, который гораздо ближе к природе. Но об этом здесь не может быть и речи. Главный аргумент Тика заключался именно в этой поэтической прелести, но что значит авторитет Тика, Гёрреса и всех прочих романтиков, когда разум говорит против него и когда дело идёт о немецком народе?»

Речь, стало быть, идёт здесь о том, что приобщение народа к его поэтическому достоянию должно служить не тому, чтоб отвлекать простой народ от актуальных проблем и погружать его в мир иллюзий, но, наоборот, пробуждать в нём энергию и волю к борьбе. В статье, критикуя неудачные примеры обработки народных сказаний отдельными писателями, автор высказывает свою точку зрения: что лучше всего с этим делом справились бы братья Гримм.

По мере приближения революции в Германии в её литературе усиливается, становясь острее и «злее», поэзия соответствующего направления. Причём молодые Маркс и Энгельс имели к этому процессу прямое и непосредственное отношение.

Генрих Гейне (1797—1856) — крупнейший поэт немецкой революционной демократии, поэт-публицист и поэт-философ. Именно Гейне, к слову, первым указал на революционный момент, содержащийся в классической немецкой философии, прежде всего — в гегелевской диалектике. В Париже в 1843—1844 годах Маркс и Гейне подружились — несмотря на значительную разницу в возрасте. Они, кстати, не знали, что являлись дальними родственниками, — впоследствии биографы выяснили, что у этих двух великих людей имелись общие предки (где-то в четвёртом-пятом колене).

Своё главное и самое боевое произведение — поэму «Германия. Зимняя сказка» (1844) — Гейне написал как раз в период тесного общения с Карлом Марксом и под влиянием его революционных — и на тот момент уже во многом коммунистических идей. Это нашло выражение в строках Гейне: «И пусть ленивое брюхо кормить / Не будут прилежные руки». Откликнулся он и на восстание силезских ткачей 1844 года.

Поэт Георг Гервег (1817—1875), лично знакомый с Марксом, сотрудничал у него в «RheinischeZeitung». Обращаясь к читателю, он ставит вопрос ребром: «Ты раб иль гражданин? Подумай и решись». Стихотворение, откуда это взято, называется «Партия» — стало быть, Г. Гервег своеобразно предвосхитил то, что впоследствии будет названо партийностью литературы, партийностью искусства и философии.

С Георгом Веертом (1822—1856) Ф. Энгельс познакомился ещё на родине, в Бармене, однако близко они подружились в Манчестере: коммерсант Веерт жил по соседству, в Бредфорде. В одном из стихов он даже воспел красоту и темперамент ирландки Мэри Бёрнс — возлюбленной Энгельса. Под влиянием последнего Веерт выступил первым немецким пролетарским поэтом, который писал о борьбе бедных против богачей, шахтёров против шахтовладельцев. В стихотворении «Литейщик пушек» он пророчит революцию — когда рабочие возьмут в руки оружие, которое они в настоящее время создают своим трудом для классовых врагов: «…настанет час / Грозы и битв суровых, / Когда ударим против вас из десятидюймовых!»

Георг Веерт состоял в «Союзе коммунистов» и являлся одним из редакторов «NeueRheinischeZeitung». Там же сотрудничал и Фердинанд Фрейлиграт (1810—1876). На первой полосе знаменитого прощального номера газеты (от 19 мая 1849 года), напечатанного красной краской, было помещено его боевое стихотворение: «В усмешке презренье к врагам затая / И крепко сжимая шпагу, / «Восстанье!» — кричала пред смертью я [газета. — К.Д.], / Не сломили мою отвагу…».

В своей поэзии Фрейлиграт прославлял героизм сражающегося на баррикадах революции пролетариата разных наций, клеймил буржуазию за её трусость — однако поражение революции 1848 года привело его, как, увы, и многих других, к отходу от борьбы…

«Рейнская газета» писала незадолго до революции, отмечая указанную выше тенденцию к усилению революционности поэзии: «Одна ласточка не делает весны, но столько певцов, которые одновременно выступают и, не сговариваясь, поют на один мотив, — явный признак перемены погоды». Литература — и вообще искусство — служит важным барометром общественных настроений, указывая на приход «бури».

Поэзия молодого Энгельса связана и с его увлечением филологией, языками. Стихи ведь он писал отнюдь не только на немецком, но и на древнегреческом языке!

На торжественном собрании в Эльберфельдской гимназии 15 сентября 1837 года Энгельс прочитал стихотворение «Поединок Этеокла и Полиника», написанное им по мотивам греческого мифа, изложенного в трагедии Эсхила «Семеро против Фив». Произведение, стилизованное под гомеровский эпос, обнаруживает тонкое знание автором нюансов мифологии эллинов (вспомним про влияние дедушки!). А о прекрасном знании юношей греческого языка свидетельствуют такие утончённые словесно-поэтические фигуры, как «воин могучий и дерзкоотважный», «царя меднолатныхаргивян», «поразит длиннолезвенной медью», «среброкованный меч».

Выпускное гимназическое свидетельство Фридриха Энгельса отмечало: «…в особенности же [он] научился хорошо переводить как сочинения сравнительно лёгких греческих прозаиков, так и произведения Гомера и Еврипида, и сумел хорошо понять и воспроизвести ход мыслей в одном из диалогов Платона». Бывали ж времена: молодые люди способны были осилить Платона, да ещё и в оригинале, — книжки серьёзные они читали, а не сидели безвылазно в «чатах» и «мессенджерах»!

Блестяще владея иностранными языками, пробовал себя Энгельс и в области литературно-поэтического перевода. Известно, что он переводил с английского языка произведения обожаемого им Перси Шелли — и даже пытался опубликовать эти переводы, но только ему, к сожалению, не удалось договориться с издателями.

Слова Шелли «День завтрашний придёт!» [«Tomorrowcomes!»] Энгельс взял в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Вечер», в котором аллегорически выражена уверенность в победе свободы в Германии.

Кое-что из переведённого Энгельсом, однако, всё-таки было опубликовано. В 1840 году был выпущен «Альбом Гутенберга» (вероятно, в рамках празднования 400-летия изобретения книгопечатания) — а в нём помещён выполненный Энгельсом перевод стихотворения испанского поэта, просветителя и политического деятеля Мануэля Хосе Кинтаны (1772—1857) «На изобретение книгопечатания». В этом произведении прославлен вклад первопечатника в дело распространения свободы.

Но поэзия — лишь одна из сторон артистической души Фридриха Энгельса.

В письмах и ученических тетрадях Энгельса встречается огромное количество рисунков карандашом: портреты и автопортреты, исторические пейзажи, зарисовки сценок из жизни, карикатуры. Вряд ли можно назвать их произведениями искусства — рисунки выполнены бегло, но достаточно твёрдой рукой, а главное то, что в них выражены индивидуальность автора и его умение видеть мир, подмечая какие-то важные стороны жизни и хара`ктерные черты тех или иных встреченных им людей. Рисование преподавалось в гимназии — как и пение. И вот в тетрадке по истории любознательный гимназист Энгельс изображает египетские пирамиды и сфинкса.

В молодости Энгельс, между прочим, и музыку писать пытался! «Однако это чрезвычайно трудно: такты, диезы и аккорды доставляют много хлопот», — как-то признаётся он в письме к младшей сестре Марии, с которой Фридрих был очень близок. В письмах к ней и Греберам встречаются ноты созданных им произведений. Так, в 1839 году Фридрих сочиняет лютеранский хорал — да, он всё ещё религиозен!

Любовь к музыке была привита в семье. В числе любимых композиторов Бах, Гендель, Глюк. Энгельсу чрезвычайно понравилась «Волшебная флейта» Моцарта, а особенный восторг у него вызвала Пятая симфония Бетховена: «Вот эта симфония была вчера вечером! Если ты не знаешь этой великолепной вещи, то ты в своей жизни ничего не слышала». Живя в Берлине, где он отбывал воинскую повинность, Ф. Энгельс часто посещал театры и концертные залы; там он услышал игру Ференца Листа. Кстати, в тот период своей жизни он отправлял в газету «RheinischeZeitung» преимущественно как раз корреспонденции о культурной жизни столицы Пруссии.

Летом 1842 года, однако, Энгельс-Освальд — публицист, уже завоевавший признание у читателей, — принимает решение на время прекратить литературную деятельность, дабы учиться. В письме к младогегельянцу и издателю Арнольду Руге он так объясняет

это решение: «Я принял решение на некоторое время совершенно отказаться от литературной деятельности и вместо этого побольше учиться. Причины этого решения очевидны. Я молод и самоучка в философии. У меня достаточно знаний для того, чтобы составить себе определённое убеждение и, в случае надобности, отстаивать его, но недостаточно, чтобы делать это действительно с успехом. …считаю теперь своим долгом путём научных занятий, которые я продолжаю с ещё бо`льшим наслаждением, всё более усваивать и то, что человеку не даётся от рождения». В этом — весь Энгельс: он основателен во всём и до конца, он просто не может позволить себе «ни на грамм» дилетантства!

На этом завершился первый, самый ранний, юношеский период литературной деятельности Ф. Энгельса, когда боевая публицистика сочеталась у него с поэзией. Скоро на страницах газет и книг выступит зрелый Энгельс. Поэзия кончилась, но…

Это нормально и правильно, когда юноша пишет стихи — пусть даже коряво и нескладно, но, если в стихах проявляются искренние чувства и устремления, опыты в поэзии не пройдут даром: они с большой вероятностью могут воплотиться в личности благородной и неравнодушной, способной к высоким и бескорыстным поступкам.

«Деятельность, жизнь, юношеское мужество — вот в чём истинный смысл!» — написал Энгельс в письме накануне 20-летия. Это отношение к жизни он сохранит на всю оставшуюся жизнь, несмотря на её непростые перипетии и разо-чарования.

Про времена революции 1848—1849 годов, а точнее — про начало 1849 года Ф. Энгельс вспоминал: «Это было революционное время, а в такое время работать в ежедневной печати — наслаждение. Воочию видишь действие каждого слова: видишь, как статьи буквально бьют, словно гранаты, и как взрывается выпущенный снаряд». Так никогда не сказал бы проплаченный писака, который не сражается, а рутинно выполняет свою работу. Так может сказать только человек, для которого борьба за идеалы является действительным смыслом жизни, по-настоящему сильный духом.

И, как говорили в Древнем Риме, в здоровом теле здоровый дух. Энгельс полностью соответствовал этой аксиоме. Здоровый дух в здоровом теле великого человека был сформирован в детстве и юности. Физкультурой он активно занимался в гимназии. В частности, Фридрих научился ездить верхом. Живя в Бремене, он часто катался верхом с друзьями — на наёмных лошадях. Любовь к верховой езде Энгельс сохранил до

глубокой старости.

Другим любимым видом спорта для него было плавание. В письме к сестре Марии он сообщает из Бремена, весьма гордясь собою: «Сегодня так жарко, что я, хотя только избавился от насморка, опять хочу пойти окунуться в Везере. На днях я купался и попросил одного парня плыть за мной в лодке; я без остановки четыре раза переплыл Везер. По-моему, вряд ли кто-нибудь в Бремене сможет подражать мне в этом». Ширина Везера в районе Бремена (по сведениям Советской военной энциклопедии) составляет 220 метров. Получается неплохой результат, хотя это и не то, что переплывать Волгу (от 600 до 2100 метров в среднем её течении) или, скажем, Дунай (300—1000 метров на участке от Вены до Железных Ворот, 1—2 километра ниже их).

Зимой же Энгельс с удовольствием катался на замёрзшем Везере на коньках.

Фридрих отлично фехтовал и, вернувшись из Бремена домой, в Бармен, обучал этому искусству младших братьев. В юношеской горячности Энгельс даже дрался на дуэлях. Заметим, что дуэль имел и юный Карл Маркс — на первом курсе в Боннском университете: вроде как повздорил столь резко с каким-то заносчивым дворянином.

Ещё одним видом физической активности для Энгельса выступали дальние и длительные пешие прогулки — он их практиковал как в Бармене, так и в Бремене. Важны они были не только с точки зрения здоровья и физической формы: юноша в ходе таких моционов наблюдал жизнь трудящегося народа во всех её проявлениях. Ведь часто маршрут пролегал по бедным сёлам и пригородам-трущобам Бремена, так что находившийся тогда в состоянии становления революционер-демократ мог видеть всю изнанку эксплуататорского общества, противоречия, разрывающие его.

Зрелый Энгельс, когда он жил в Манчестере и вёл дела в конторе, конечно же, испытывал неприязнь к миру буржуа, но тем не менее не чурался его полностью, тем более что «положение» обязывало его для проформы поддерживать «светскую жизнь». Известно, что Энгельс увлекался конной охотой, в частности принимал участие в такой традиционной английской аристократической забаве, как охота на лис. И при этом показал себя как самый смелый, бесшабашный наездник.

Заряд физических нагрузок, накопленный в молодости и поддерживавшийся, насколько это было возможно — надо иметь в виду огромную загруженность работой, — в более позднем возрасте, несомненно, послужил важнейшим фактором, обусловливавшим высочайшую работоспособность Энгельса. Его неиссякаемую энергию, чрезвычайно высокую динамичность жизни отмечали все, кто хорошо знал его лично. Отмечали также и то, что, будучи уже в возрасте, Энгельс отличался моложавостью, был по-прежнему строен и подтянут, а кроме того, он очень долго «противостоял седине».

Вильгельм Либкнехт утверждал, что когда однажды в конце жизни Ф. Энгельс выступал на собрании берлинских рабочих — выступал, как всегда, с энергией, живо и бодро, — те, мол, удивлялись: неужели этому юноше стукнуло 73 года? Здесь, наверное, воспоминания видного соратника Маркса и Энгельса всё-таки не совсем соответствовали действительности: в последний период своей жизни, после ухода Маркса, Энгельс тоже подолгу и всерьёз болел. Да, годы неумолимо брали своё...

Например, всё первое полугодие 1887 года Энгельс в связи с болезнью глаз был вынужден ограничить себя в чтении и письме. Был период, когда ему пришлось нанять секретаря, которому он, лёжа в кровати, диктовал статьи, письма и проч.

Однако старый боец не терял бодрости и присутствия духа, противопоставляя подступающим недугам силу воли, самодисциплину, осознание чувства долга перед международным революционным пролетариатом. «Моё положение таково: 74 года, которые я начинаю чувствовать, и столько работы, что её хватило бы на двух сорокалетних. Да, если бы я мог разделить самого себя на Ф. Энгельса 40 лет и Ф. Энгельса 34 лет, что вместе составило бы как раз 74 года, то всё быстро пришло бы в порядок», — написал он Лауре Лафарг (дочери Маркса) 17 декабря 1894 года, накануне последнего в своей жизни Нового года. Оставалась уйма нереализованных планов, но и то, что этот человек успел в жизни сделать, было под силу лишь титану!

К. ДЫМОВ.

Материал газеты «Правда».